Кирилл ПРИВАЛОВ

Саркастические заметки

об особенностях национального возвращения и выживания

РУССКИЙ ЭКСТРИМ

Кирилл Привалов

Русский экстрим. Саркастические заметки об особенностях национального возвращения и выживания

«Спорт»
2008

ББК 47.2.1.1.4

Привалов К. Б.

Русский экстрим. Саркастические заметки об особенностях национального возвращения и выживания / К. Б. Привалов — «Спорт», 2008

ISBN 978-5-903508-35-8

Автор книги, известный российский журналист, долгие годы проработавший корреспондентом во Франции, возвращается на Родину… Как встретило и чем поразило его родное отечество? Всем, кто не лишен чувства юмора и не боится посмеяться над собой, чтение книги Кирилла Привалова доставит истинное удовольствие, поднимет настроение, а иногда и заставит пристальнее вглядываться в трагикомические стороны жизни, ускользающие от нашего внимания в повседневной суете.

ББК 47.2.1.1.4

ISBN 978-5-903508-35-8

© Привалов К. Б., 2008
© Спорт, 2008

Содержание

Часть I. Особенности национального возвращения 6
Ленин в багаже и один чемодан «Газпрома» 6
Сплошной «Бум-бум!» или Помоечный ангел 11
Воблер u «Хе из мясо» 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Кирилл Привалов
Русский экстрим. Саркастические заметки об особенностях национального возвращения и выживания

© Привалов К. Б. 2008
© Издательство «Человек», оформление, издание. 2008

* * *

Лоле, Петру и пудельку Артоше, моим дорогим спутникам на пути в Итаку…

Чистый и нетленный,
Смерть познавший
И воскресший,
Господь наблюдает
За тобой, немощным.
Постарайся прожить так,
Чтобы ему было интересно.
Умей прощать. Люди таковы,
Какими их сотворил Господь,
Но иногда бывают хуже.
Жизнь – цени и люби.
Если она покажется
Страшной и натужной,
Все равно помни:
Альтернатива ее
Куда страшнее.
Никогда не проси.
Не жалуйся и не жалей.
И не бойся творить
Грехи и ошибки.
Бог простит и это.
Такова его работа…
И только Богу,
А иногда – и себе самому
Верь, верь, верь!
Аминь.

Из дикой молитвы

Часть I. Особенности национального возвращения

Ленин в багаже и один чемодан «Газпрома»

«Лучший выход из российского кризиса – Шереметьево-2».
Народная мудрость

Родину надо не любить – ее надо бояться. Об этом русскому человеку резко напоминают с первой минуты, как только он возвращается из-за границы домой. Уже на рубежах Отчизны, в аэропорту «Шереметьево», российского гражданина начинают изощренно испытывать на преданность Отечеству.

Только тот, кто без ума любит «отечество наше свободное», в состоянии выстоять жуткие очереди, с фатальной обреченностью возникающие в Москве перед паспортным контролем. Я вовсе не идеализирую Запад. Он совсем не наш, а значит – «дикий». Но там в любой стране есть в международном аэропорту отдельные воротца для «Граждан ЕС» и для «Всех остальных». Скажем, в Руасси, больше известном иностранцам как Парижский международный аэропорт «Шарль де Голль», у окна для «неевропейцев» непременно выстраивается длиннющая очередь, а вот у ворот для граждан Пятой республики и для «избранных» иже с ними обычно никто не стоит. Точнее: французы, немцы, итальянцы и остальные бельгийцы по их «национальному коридору» косяками снуют, но контроль за их паспортами осуществляется пограничниками очень быстро. На Западе границу контролируют профессионалы, с первого взгляда оценивающие пассажиров, их состояние и положение. Россия же и на этом фронте остается страной дилетантов. Профессия как женщина: мало выбрать, надо ею еще и овладеть.

…Мы прилетели из Парижа и сразу окунулись в хмурый и беспорядочный ангар «Шереметьево-2». Я никаких иллюзий на предмет того, как меня встретит Родина, не испытывал. Но моя жена наивно думала, что ей здесь будут рады. Ох уж это вечное возвращение на вечную родину вечной, никак не желающей вымирать, исчезать, самоуничтожаться российской интеллигенции! Ощутив полными легкими дым отечества, моя жена почувствовала, как у нее за спиной вырастают крылья. Она не догадывалась о том, что вскоре ей придется каркать…

После более чем часового стояния в очереди мы протерлись бочком, по одному, к воротам отечества. Граница была на пудовом замке: в будке восседала сонная, словно обкурившаяся или с крутого похмелья, девица-пограничница. Чувствовалось, что она страдает от ненависти к жизни. Ни «здрасьте!», ни «пожалуйста»… Когда моя жена напомнила ей, что у приличных людей принято отвечать на приветствия, хранительница российских рубежей настолько удивилась этой не то отвязной наглости, не то идиотской наивности что на мгновение даже выпала из спячки. Взгляд у нее в этот момент был пустой, как у кошки. «Все! Конец… Прощай, родимый край!» – подумал я. Молчание – мужество труса. И я молчал. Однако спящая некрасавица, хоть и проверяла нас чуть дольше остальных, но на Родину все-таки впустила.

Едва я пересек границу, над которой перманентно «тучи ходят хмуро», как мне стало смешно. Вовсе не потому, что меня охватила эйфория от встречи с Родиной. Просто в ожидании багажа, как обычно беспорядочно блуждающего по аэропортовским внутренностям, мне делать было нечего и я вспомнил моего духарного дядьку по отцовской линии. Ненавидящий любую форму заорганизованности, он в эпоху развитого социализма вел в одиночку необъявленную войну с аэропортовскими властными структурами. Принимала эта партизанская борьба самые неожиданные, порой гротескные формы. Например, проходит мой дядюшка воротца советского паспортного контроля и при этом чешет себе нос. Погранцы в Шариково (так советский изобретательный народ зовет Шереметьево в честь булгаковского Поли-

графа Полиграфовича) – нелегальные психологи. Специально обученные люди, натасканные в секретных ведомствах, учат их определять и отсеивать особо подозрительных пассажиров. Согласно разработанному аккурат для этого служебному кодексу, тот, кто чешет нос – свой, обратите внимание, вовсе не чужой! – в ответственный момент проверки паспорта, наверняка в лучшем случае диверсант, если не сказать – шпион. Значит, ворога требуется любой ценой задержать и расколоть.

– Что-то вы не похожи на фотографию в вашем паспорте, – говорит пограничник моему дяде, запоздало убравшему палец с кончика носа.

– А так?! – Дядя любезно снимает шляпу с лысой головы и давит улыбку, как минимум, на тридцать отлично вставленных, искусственных зубов: «Сыр!»

– Так лучше, – кривороото признается пограничник. – Поверните голову вправо!

Дядя поворачивает, но влево.

– Я сказал: поверните вправо! – громче повторяет бдительный преемник Никиты Карацюпы, а заодно – и его верной собаки Ингуса-Индуса.

Но мой дядя упорно крутит головой только в левую сторону и, преданно глядя в низкий, тяжелый лоб представителя высокой власти, признается:

– Налево поворачивать сколько угодно могу, а вот направо – никак не получается… Анатомия у меня такая, классовая. Если хотите, я вам следующий раз справку от врача принесу.

Немая сцена. И завершиться она могла бы, я не исключаю, вполне трагически, если бы не важное даже по тем временам «но»: у дяди с совершенно русской фамилией был абсолютно польский паспорт…

У резиновой дорожки для подачи багажа я посмотрел на жену и понял, что с глазами на мокром месте она уже готова к любому скандалу. Настроение у нее было напрочь испорчено Чтобы несколько тонизировать его, я принялся развлекать подругу жизни историями, соответствующими специфическому месту и моменту. И, конечно, вспомнил об этом самом заграничном дяде-«партизане», двоюродном брате отца.

Родившийся между двумя войнами в Польше от русских родителей, оказавшихся на польской территории после Октябрьской революции и образования польского государства, этого «уродливого порождения Версальского договора», он так и остался «обывателем польским» – польским гражданином. Ставший, как и все мужчины в нашей фамилии, журналистом, дядя Володя, он же по-польски – вуяк Влодек, добился немалых высот в союзе журналистов социалистической Польши и порой возглавлял профессиональные делегации, направлявшиеся в СССР. Одна из них после теплой, обильно сдобренной икрой и водкой встречи с советскими коллегами в Казани была награждена бронзовым бюстом Ленина. Как руководителю делегации моему родственнику доверили взять этот монумент к себе в багаж, благо чемодан был почти пустой: всю водку уже выпили. На обратном пути в Варшаву на стойке «Аэрофлота» после взвешивания багажа дяде было любезно сообщено, что у него ощутимый перевес:

– Просьба оплатить разницу!

– Не буду…

– Тогда я не смогу посадить вас в самолет.

– Попробуйте.

Аэрофлотчица демонстративно отложила билет моего дядьки в сторону, но переоценила свои возможности. Вся команда польских журналистов в знак профессиональной солидарности отказалась лететь. Послали за каким-то аэрофлотовским начальником. Тот пришел королем и сразу принялся накатывать на строптивых «братьев по классу»:

– В чем дело? Что за беспорядок? Вы что, товарищи, себе позволяете?

Мой же дядя спокойно объяснил, в чем проблема. Даже не дослушав, аэрофлотовец оскорбился:

– Конечно, надо заплатить за перевес!

– Вы хотите сказать: деньгами?.. – тихо задал дядя Влодек коварный вопрос.

Чиновник же, уверенный, что общается с тупым иностранным младшим братом, да еще плохо понимающим по-русски, решил покончить с затянувшимся разбирательством и поставил точку нал «i»:

– Короче, если хотите улететь, идите в кассу. Галя, выпиши ему счет за перевес! Сколько там?.. Тридцать пять рублей. Точка!

И тут произошло нечто совершенно невероятное и вряд ли виданное когда-либо не только в Шереметьево.

– Вы оценили Владимира Ильича Ленина всего тридцатью пятью рублями?! – с качаловским трагизмом вопросил польский дядя.

Он расстегнул молнию, и из чемодана выпал и встал пеньком, как ванька-встанька, на заклинившие весы «Аэрофлота»… бронзовый подарок из Казани! Представители авиакомпании окаменели с открытыми ртами, а вуяк Влодек с помощью товарищей бережно поднял тяжеленный бюст, протер ему блестящую лысину клетчатым носовым платком и водрузил памятник на стойку оформления:

– И это я слышу от коммуниста?!.. Всего тридцать пять рублей! Встать всем, встать сейчас же! Перед вами – Ленин…

Аэрофлотчики дружно повскакали с мест и вытянулись во фрунт, на всякий случай стараясь при этом не моргать и не шевелить пальцами в обуви. Напротив них застыли в демонстративном экстазе пролетарского единения поляки, едва не лопавшиеся от смеха. Торжественно помолчав минуту на глазах ничего не понимающих остальных пассажиров, сотрудники «Аэрофлота», плохо скрывающие свою растерянность, принялись сокрушаться:

– Какое недоразумение с польскими товарищами получилось! Ах, какое недоразумение!..

Позвонили куда-то наверх, в авиакомпанию, и на цыпочках прибежал еще более значительный летный начальник. Он долго тряс руку моему дядьке из Варшавы, вручил ему от московских властителей неба бутылку водки («На дорожку!»), приложил персонально от себя фирменный брелок с крылышками, серпом и молотом и заявил доверительно, как брат брату:

– Очень неудобно получилось, простите, пожалуйста! Виновные будут строго наказаны… Мы никак не подозревали, что в вашем багаже летит вождь мирового пролетариата.

Короче, все как в анекдоте: «Товарищи солдаты и матросы! Революция, которую так долго ждали большевики, начнется завтра. А сегодня – дискотека!»

…Багаж с нашего рейса, как назло, не подавали. Нам оставалось только ждать и наблюдать за картиной нравов. Особо забавлял одуревших от стояния пассажиров похожий на клоуна Карандаша маленький кинолог с бойким, деловым сеттером, увлеченно обнюхивающим сумки и чемоданы. Да, хоть и четвероногий, а на наркоту подсел!.. Но все равно уважают песика, уважают! Там, где он живет, даже государственную границу сделали. Я посмотрел на жену, ушедшую в созданный недавно для курящих спецугол у сортира, и подумал о том, что женщина – полная противоположность собаке. Собака все понимает, но ничего сказать не может… Мне стало ясно, почему моя жена так обостренно любит нашего пуделя Артошу. Они органично дополняют друг друга.

И вдруг вздрогнул резиновый конвейер – и медленно потекли вещи, прилетевшие из Парижа. Пассажиры сгрудились у ленты, оттирая друг друга бедрами и стараясь поскорее выхватить свой багаж. Моя жена, используя пустую железную тележку как таран, оказалась в числе самых первых. Едва завидев наши серые самсонитовские сумки, появившиеся из пыльного разгрузочного жерла, моя половина похватала их и бросила на тачанку:

– Опять ты застрял!.. Уходим побыстрее! Иначе я здесь задохнусь…

Мы понеслись по «зеленому коридору» навстречу Родине, но наш патриотический порыв был властно прерван. Толстый, импозантный мужчина в явно тесном ему мышином пиджаке с таможенными галунами осадил нас:

– Откуда самолет?.. Париж?.. Что-нибудь приобретали?

Жена аж задохнулась от неожиданности:

– О чем вы говорите? Да мы там жили!

– Тогда предъявите купленные предметы, – оживился красавец с влажными пятнами под мышками и зачесанными прямо со спины на голый череп волосами. Характерная закономерность: во всех аэропортах таможенные заставы располагают непременно с видом на выход из терминала. Наверное, для того, чтобы увеличить тягостность пытки для пассажиров.

– Я вся в этих предметах! – взвизгнула жена. И я понял, что надо спасать положение, становящееся неподконтрольным:

– Простите, моя жена устала в дороге… Что бы вам хотелось увидеть?

Если хочешь полюбить гаишника, познакомься с таможенником. Ибо таможенник это не профессия, а состояние души. Чиновник оценивающе мазнул взглядом по нашим баулам и задержался глазами на дамской сумочке:

– Это откройте! Драгоценности приобретали?

– Какие еще драгоценности?! – опешил я.

– Какие угодно… И счета показывайте!

Жена задрожала от брезгливости, а не теряющий достоинства таможенник, державший спину неестественно прямо, принялся – тоже не без брезгливости – ковыряться указательным пальцем в парфюмерном балагане моей супруги. Даже не поленился пролистать блокнотик с телефонами и заглянул в распечатанную пачку сигарет с ментолом. Открыл косметичку особо заинтересовался тушью для ресниц… Он делал все важно и даже царственно. Правда, его императорская выправка вопиюще диссонировала с куцым, пионерским пиджаком, словно с чужого плеча. «Пуик, пуик!» – пел желудок таможенника, как вокмен, сопровождавший сложными руладами досмотр. Во время всего процесса коридорный красавец со спинным начесом эротично втягивал живот и изгибался назад, надеясь таким образом подавить крик своего воспаленного естества. Если этот охотник за бриллиантами и страдал звездной болезнью, то только метеоризмом.

– Проходите! – устало разрешил он, не обнаружив в сумочке жемчугов и изумрудов и найдя из счетов только квитанцию на покупку в Париже телефонной карточки. Нам оставалось радоваться тому, что мы ехали не из Украины. А то бы пришлось не только давать отпечатки пальцев, но и подставлять для проверки анальное отверстие. Не спрятали ли мы там ненароком украинских апельсинов?

Вдоль шпалеры из разбойников с большой дороги, хвативших за руки и кричавших: «Такси, такси!», мы ринулись к старому другу, который встречал нас у справочного киоска. Смычка Запада с Востоком состоялась. Несмотря на колониальную ворожбу Киплинга, они все-таки встретились.

Дома я первым делом бросился распаковывать багаж, несмотря на то, что жена захотела сперва попить с дороги чаю. Почему я так торопился, не знаю. Но мне виделась в этом некая символика: почувствуешь себя дома, как только избавишься от замков. Я вставил ключ, повернул его, распахнул чемодан – и увидел… дубленку! Такую же, как моя, но только более старую. Впрочем, состояние шубы никакого значения не имело, ибо она все равно была не моя. Та преспокойно висела на вешалке в коридоре, да и я – черт побери! – приехал в ней. На всякий случай я взглянул на родную шубу зажмурился и почувствовал неладное.

В животе, как обычно бывает со мной в мгновения «дрейфа», противно заурчало. Меня пробил озноб.

Я откинул в сторону незнакомую дубленку и увидел какие-то свертки, тщательно упакованные в фирменные пакетики магазинов, в которых я никогда не бывал. Рядом со свертками лежала тяжелая папка, явно с документами, с выпуклой надписью: «Газпром». Этого мне только не хватало! Глаза бы мои этого не видели: чем меньше знаешь, тем легче сознаешься! Хорошо еще, что это не документы ФСБ или СВР… Я взглянул на аэрофлотовскую регистрационную наклейку на ручке и узнал фамилию большого деятеля из горячо любимой всеми россиянами энергетической монополии. (До сих пор не возьму в толк, почему этот великий человек не вышел из аэропорта ВИПовским коридором. А может, он-то сам вышел, только вот багаж его…). Короче, полный караоке! По ответной логике, наш чемодан должен был бы находиться сейчас у этого газпромовского деятеля. Засветились по полной программе! С репутацией «похитителя газпромовских секретов» меня и в гроб не положат…

– Ну, долго ты там? Опять где-то застрял! Иди чай пить, – как всегда требовательно позвала не подозревающая подвоха жена. Но мне было не до индийской заварки.

– Ты чей чемодан унесла? – возопил я.

– Наш. Иначе как бы ты его открыл!..

Резонно, ничего не скажешь! На самом же деле в расстроенных чувствах жена схватила чужой чемодан, который был полным близнецом нашего. Колесики, ручка, замочек, даже опознавательная наклейка от фирмы-производителя – все на том же месте! Один к одному – без вариантов! До боли знакомая по кино комедийная ситуация, но смешно мне не было:

– Если и другие сумки не наши, я руки на себя наложу!

Я в ужасе принялся открывать оставшиеся нетронутыми две сумки «Самсонит». Слава Богу, они были нашими на двести процентов. Посмотрел на часы: ровно полночь. Что делать? Звонить в аэропорт? Бесполезно, и не в такое время в Шереметьево никого по телефону не найдешь. Оставалось только одно: срочно возвращаться в аэропорт. В любом случае через камеру хранения невостребованных вещей надо было вернуть чемодан его хозяину и попытаться найти наш багаж.

Не буду более томить читателя. По ночной, пустынной Москве мы быстро домчались до Шереметьево-2, без труда нашли камеру хранения, разбудили ее сотрудницу и грузчика, которые легко обнаружили наш, «кровный», чемодан, никем – к счастью – не взятый. Как требует того порядок, составили протокол. Позднее я перезвонил, и мне подтвердили в аэропорту, что сданный нами чужой чемодан благополучно дошел до адресата…

Но каково же было мое изумление, когда при моем появлении в редакции мне поведали щемящую душу историю о том, что вчера на парижском рейсе у видного чина «Газпрома» неуемные злодеи – ясное дело: из псевдодемократической оппозиции! – похитили чемодан. Для справки: этот казус случился как раз в разгар кампании «Ходорковский, гоу хоум!» Высокий газпромовец, ставший жертвой столь отчаянной экспроприации, расценил это как преднамеренную акцию против его Большого дома. Как злостную провокацию, На самом же деле все оказалось гораздо тривиальнее. Новая «Ирония судьбы», но без легкого пиара. От всей души прошу прощения за причиненные неудобства. С кем не бывает? И на старуху бывает прореха…

Одно до сих пор не дает мне покоя: а что бы я сказал в Шереметьево красивому таможеннику с караоке в животе, если бы он попросил меня открыть газпромовский чемодан?

Сплошной «Бум-бум!» или Помоечный ангел

«Ателье приглашает на работу мужчину, умеющего гладить и пороть».
Газетное объявление о найме на работу

Ностальгия, даже если она под жирным знаком юмора, не лучший врачеватель. Настроение у жены упорно не улучшалось. Хуже – оно испортилось и у меня. Ничто так быстро и эффективно не избавляет от мании величия, как сфера обслуживания, утверждал мудрец. Без преувеличения: он был прав в планетарном масштабе! За годы жизни во Франции я смог неоднократно убедиться, что хваленый западный сервис зачастую бывает столь же ненавязчив, как и наш. Где-то в глубине души это приятно. Дескать, не только мы, совки, гнилым лыком шиты!

…Молодые люди в ярких комбинезонах, вызванные в Париже моей женой после того, как с подозрительным дымом перегорела в ванной лампа дневного света, браться за дело не спешили.

– Мадам, положение очень серьезное, – скорбным голосом начал один из знатоков электропроводок. – Где у вас «земля»?

Этот вопрос застал жену врасплох:

– Какая земля?

Парижские умельцы, будто заговорщики, переглянулись, и на их лбах прорезались морщины озабоченности:

– Мадам, электропроводка без «земли» – смертельная опасность! В любой момент у вас может произойти короткое замыкание. И того хуже!

Чтобы продемонстрировать, что может быть «хуже», мастера приложили к металлической раковине на кухне щуп прибора, который тут же тревожно пискнул.

– Мадам, стоит кафелю у вас на кухне слегка намокнуть, и произойдет непоправимое. Вам необходимо менять всю электропроводку. Срочно! Изоляция в аварийном состоянии… – Для пущей убедительности мастер дотронулся щупом до металлического порожка у кухни, он тоже пропищал что-то вроде «Кукарачи».

Трагизм достиг апогея:

– Вы – на грани катастрофы!.. Мой товарищ составит вам смету.

И верно. Второй специалист быстренько подготовил калькуляцию «капитального ремонта электропроводки» за скромную сумму в… 5 тысяч франков! Чуть меньше тысячи долларов.

– Пять тысяч?! – ужаснулась жена. – А как же лампа в ванной? Без нее и помыться нельзя.

– Да разве в ней дело, мадам! Главное: спасти человеческие жизни. С электричеством, учтите, не шутят!

– Как вам не стыдно! – только и произнесла жена, понявшая, что над ней издеваются. – Уходите. Я не хочу с вами разговаривать.

– В таком случае заплатите 200 франков за вызов, – без малейшей доли стеснения сказал тот, что занимался калькуляцией.

Дальше – больше!

…Пальто было темно-красным. Может, кому-то такой цвет был и не по душе, а нам с женой нравился. И пальто нравилось. Пока оно оставалось темно-красным, пока его случайно не облили йогуртом.

– Не беда, – вздохнула жена. – Отдадим в химчистку – будет как новое!

Однако когда через неделю пальто вернулось из химчистки, пятно от йогурта как было, так и оставалось. А на груди, начиная прямо от ворота, торжествующе светилось… еще одно пятно!

– Это пятно не мое! – обиделась жена. – Нижнее – мое, а верхнее – не мое.

И пошла в злополучную красильную лавку. К счастью, там артачиться не стали и признали свою вину:

– Мадам, у каждого может случиться технический брак. Оставьте ваше пальто еще на неделю, мы исправим.

Когда моя жена опять появилась в химчистке, девушка-приемщица, с энтузиазмом прощебетав несколько минут о дожде и хорошей погоде, объявила:

– Странное дело, мадам… Вашего пальто нет…

– Как нет? – опешила жена, окончательно сбитая с толку – А это что? – И она как главное вещественное доказательство протянула квитанцию.

– Только не волнуйтесь, мадам! – засуетилась приемщица с таким лицом, что с первого взгляда было ясно: у его обладательницы кривые ноги. – Не расстраивайтесь! Мы можем возместить вам стоимость паль то. Но для этого вы должны представить чек, который получили в магазине при покупке.

– Вы что, издеваетесь надо мной?! Я же пальто это год назад купила, не буду же я все это время чек хранить!

– Вот это зря, мадам!.. Чек – это документ С ним вы можете обратиться за помощью в Общество защиты потребителей.

– А это разве не документ?! – не сдавалась моя жена, показывая квитанцию.

– Тоже документ, – погрустнела «химическая девушка». – Знаете что? Я помогу вам. Но только не выдавайте меня! Это в рекламных объявлениях мы пишем, что чистим одежду «по индивидуальной системе обслуживания» и «только по особым заказам». На самом же деле нашей мастерской и в помине не существует, мы отправляем все заказы на завод, а там тысячи вещей чистят чуть ли не на конвейере. Это они потеряли ваше пальто… Я дам вам их телефон.

Дома жена сразу набрала заветный номер. На заводе-химчистке явно не ожидали, что на них может выйти кто-то из их анонимных клиентов.

– Позвоните через неделю, будем искать, – пообещал недовольный голос. Тот же самый ответ последовал и через неделю. Затем еще через одну!.. Только когда у моей жены лопнуло терпение и она пригрозила обратиться за помощью к адвокатам Общества потребителей, на заводе на самом деле начали поиски, увенчавшиеся нашей полной победой. Пальто наконец-то выдали нам затянутым в матовую пленку.

Жена застыла в недоумении:

– Это пальто – не мое. Мое – темно-красное!

– Ваше, ваше, – снисходительно махнула полной рукой «химическая девушка». – Вот и номера на квитанциях сходятся!.. Вы же хотели, чтобы на пальто пятен не было, вот их и нет. А за цвет мы не отвечаем!.. Впрочем, чем вам не нравится этот цвет? По-моему, веселенький – лиловый…

– Нет, морковный, – сказала жена, кусая губы и понимая, что обречена носить теперь этот «веселенький» цвет. Или не носить…

Каждое наше общение со сферой сервиса – это, конечно, катаклизм. Но переезд – это вообще трагедия, сравнимая лишь с вселенским потопом.

…Когда он вошел в мою квартиру, я понял, насколько заблуждаются те, кто думает, будто русские – народ рослый и крепкий. «Месье Паскаль» – как представился этот молодой человек, явно ведущий свою родословную от гиганта Гаргантюа, – возглавлял лихую ватагу из четырех молодцов, трудоустроенных в одном из многочисленных парижских агентств по перевозке

мебели. Цепко оглядев мой скарб, месье Паскаль сразу оговорил условия переезда: с какого этажа спускать, на какой поднимать, есть ли у меня пианино, существует ли в доме грузовой лифт и т. д. Упомянул и о страховке. И тут я узнал немало нового для себя.

Оказывается, возмещение ущерба во Франции начисляется не в зависимости от ценности вещи, а в соответствии с ее… объемом! Так, телевизор, купленный за 680 евро, будучи «упущенным» перевозчиками со второго этажа, возмещается хозяину в виде чека максимум на 30 евро. Что ж, и на том спасибо!

Хваткие хлопцы принялись за работу споро. Месье Паскаль таскал шкафы и комоды. Маленький вьетнамец вязал узлы. Его помощник по имени Мишель необычайно ловко снимал люстры и выдергивал шнуры из электрических розеток. Четвертый член бригады, к которому его компаньоны ласково обращались: «Эй, Салопри!» («Эй, Гадость!»), суетился больше всех – то за лампу схватится, то за ящик письменного стола. Толку, правда, от этого было кот наплакал.

Да, я забыл самое главное! Единственным орудием малой механизации у этой гопкомпании была самодельная тележка на четырех колесиках, которую перевозчики называли «дьябль» – «черт». Месье Паскаль, крякнув и надув щеки, поднимал диван. Под него приседал угодливый Мишель и подсовывал юркую тележку на подшипниках. Тут же на подхвате был «Эй, Гадость!», который судорожно раскачивал и толкал месье Паскаля, а заодно – и поставленный дыбом диван.

Наконец бригада погрузила в фургон все, что было, и, звеня пивом, которое «Эй, Гадость!» прихватил между делом в ближайшей арабской лавке, отправилась на новую квартиру. Там, в шестнадцатом округе Парижа, в очередной раз вскрывали асфальт, вели какой-то кабель. Как раз у подъезда, где предстояло разгружать мой нехитрый скарб, тарахтел компрессор. Месье Паскаль с ходу взял его на буксир и, освобождая место для стоянки, одной левой прислонил к беспечно припаркованному маленькому «рено», капот которого тут же стал похожим на стиральную доску. После чего из фургона десантировалась вся команда, зря времени в ходе переезда не терявшая, о чем свидетельствовали пузырьки из-под пива и две фляжки из-под рома.

Чудеса продолжались! Гремела колесиками-подшипниками «чертова» тележка, которой, как фокусник, манипулировал Мишель. Чертыхался вьетнамец, помолодевший от пива с ромом и сразу ставший похожим на Рауля Кастро. Что-то мычал, совсем по-квазимодовски, деловитый «Эй, Гадость!», тщетно пытавшийся протащить одновременно в дверь и торшер, и ночник. В итоге чехол с торшера сорвался, а керамическая лампа треснула… Но царствовал в этом бедламе месье Паскаль. Единолично правил! Он, хотя и расцарапал напрочь обшивку лифта, совершенно не приспособленного для столь масштабных пролетарских акций, зато перетаскал на своем горбу комод и диван, кровать и шкаф, стол и бюро…

Наконец фургон опустел. Мебель, коробки, узлы были выгружены и свалены в кучу в прихожей и гостиной.

– Куда ставить будем, хозяин? – спросил не знающий устали месье Паскаль.

Я лишь развел руками. Откуда я мог знать, как моя жена расставит весь этот сонм вещей в новой квартире?

– Пока оставьте так, – только и смог ответить я.

– Тогда распишитесь! Вот здесь! – И месье Паскаль, старший, ткнул в серую казенную бумажку огромным пальцем с ногтем, напоминающим танковую броню. – Напишите: «Претензий не имею».

– Э, нет! – взвизгнул я. – Мне нужно проверить, все ли вещи целы. К тому же вы испортили две лампы!

– А я-то думал, что вы настоящий советский человек, – проявив политическую осведомленность, с укоризной покачал головой месье Паскаль. – Мы же рабочие люди, месье Попофф (во Франции русских часто зовут «Поповыми». – *К. П.*), Неужто пожалуетесь?

– А как же лампы?! – упорствовал я, становясь сам себе противен. – И сервировочный столик, смотрите, почему-то без ручки!

– И тебе не стыдно, камарад? – в голосе бригадира грузчиков появилась сталь. – Ты будешь фискалить хозяину на рабочих!

Потом мы еще не раз и не два встречались с месье Паскалем. Первый раз он пришел за моим автографом и принес ручку от сервировочного столика, которая – как он объяснил – отвалившись, закатилась в дальний и темный угол. (На самом деле эта ручка была не моя, командир грузчиков отломал ее у столика других своих клиентов, но меня и это устраивало – статус-кво должен был быть восстановлен любым путем!) Во второй – он склеил керамическую основу ночника. В третий – захватил с собой бутылку мартиникского рома. У меня в холодильнике обнаружилась бутылка водки. Мы выпили все, что можно пить в моем доме. Все – кроме воды из-под крана! И я затянул по-русски «Катюшу». Месье Паскаль обнял меня рукой-бревном и, проникновенно закатив глаза, подхватил припев по-французски неожиданно тонким для его внушительной комплекции голосом… Как, когда и где я подписал бумагу о том, что у меня к месье Паскалю «претензий нет», я не помню. Но подписал наверняка. Видимо, в конце концов дал о себе знать еще не вытравленный до конца рефлекс пролетарской солидарности бывшего советского человека.

«…Скупой платит дважды», – винил я себя. Каюсь, месье Паскаля и его штрафную команду я нашел много лет назад не в официальных «Желтых страницах», а в подозрительном боевом листке, подброшенном мне в почтовый ящик. Поэтому, обуреваемый благими намерениями и недобрыми воспоминаниями, я решил на этот раз обращаться только в солидные транспортные компании. И тем не менее влип по уши в Париже с отправкой в Москву наших вещей.

Недолго выбирая между транспортными компаниями, способными грамотно загрузить в свой трайлер наш багаж, я остановился на фирме – назовем ее – NNN. Ее представители с особой предприимчивостью окучивали меня с двух концов. Из Парижа, где явившийся в мою квартиру толкач из NNN обещал мне самый лучший в мире сервис и самый честный в Европе персонал, и из Москвы, откуда меня соблазнял по телефону милый молодой человек, оказавшийся моим тезкой и отрекомендовавшийся зятем моих давних знакомых, а заодно и представителем этой же фирмы в России. Вскоре обнаружилось, что оба змея-искусителя нагло врали. Впрочем, я сам виноват. Разве обещания касаются кого-либо, кроме того, кому они даются?

Когда в Париже в день перед отлетом в Москву ко мне приехал грузовик от NNN, мне стало не по себе. Группа захвата, присланная – казалось бы – стопроцентно французской фирмой, состояла из пятерых огромных негров. Какой яйцеголовый балбес придумал байку про пигмеев?! Рядом с этими сенегальскими стрелками истинным пигмеем был я с моими метр восемьдесят. Впрочем, очень быстро выяснилось, что к Африке эти гренадеры не имели ровным счетом никакого отношения. Трое из штрафного взвода были из Гаити, двое – из Гваделупы, заморского департамента Франции, а значит, почти чистопородные галлы, только очень смуглые. Командовал афро-американскими собратьями похожий на портовый кран средних размеров гаитянец цвета индиго, которого я прозвал про себя «дядей Томом».

Зачем эта экзотика: Гаити, Гваделупа?.. Позднее французские друзья мне объяснили, что рынок рабочей силы в сфере транспортно-погрузочных услуг держат во Франции гаитянцы, жестокие, властные и спаянные между собой. Они не пускают в бизнес конкурентов – африканцев и славян – и обычно набирают к себе в ватагу биндюжников из своего ближайшего географического окружения, иммигрантов с Антильских островов. Они и говорят на том же самом

креольском диалекте, что и гаитянцы, и островной морали следуют той же самой. Одно слово: куль Твуду… Большинство из них работают нелегально, лишь два-три человека из экипажа – те, у кого есть французские паспорта, – официально зарегистрированы на рынке труда. Перевозочные компании это вполне устраивает: меньше социальных отчислений. Качество сервиса? Конечно, оно страдает от непрофессионализма и текучести персонала. Но, скажем, NNN возмещает это рекламной трескотней и активностью зазывал, способных пообещать с три короба, лишь бы получить от клиента заказ.

Когда я оформлял заказ, коммерческий агент из фирмы выставил счет и уточнил:

– Если вы не займете весь объем контейнера, разница в деньгах будет вам возмещена… Напоминаю вам: вы можете по причине отъезда оформить «детакс» – возврат таможенной пошлины – на купленные в последнее время вещи. Такова практика: на выезде из Франции наш водитель, специально обученный человек, ваши бумаги зарегистрирует, проштемпелюет, и таможенная пошлина будет вам возвращена… Это ваше право.

Люди нередко прибегают ко лжи, сами не подозревая, что говорят правду. Но, как выяснилось позднее, это был не тот случай…

С первых минут общения с шоколадной командой мне сделалось жутко неловко. Прежде всего: как к ним обращаться? «Господа негры»? Неполиткорректно, даже во Франции, где пофигизм и пренебрежение по отношению к иностранцам являются национальными чертами. «Товарищи черные»? Тоже не подходит: гусь славянину не товарищ. Просто «господа»? Тьфу восемь раз! Язык не поворачивался… Тем более что они все время чирикали между собой исключительно на диалекте «креоли», понятном мне в такой же степени, как язык гордых вайнахов, и демонстративно подчеркивали свою полную от меня отстраненность. Поэтому после раздумий я решил к ним обращаться исключительно демократично: «Ребята!» Как-никак я и сам – из бывших советских трудящихся.

Веселые ребята – и это меня обидно поразило – были потрясающе экипированы. В их распоряжении были разногабаритные ящики-крафт из прочного, плотного картона, специальная упаковочная труха из маленьких кусочков пенопласта, полиэтиленовая пленка с пузырьками воздуха и – самое главное! – огромное количество бумаги. В эту бумагу они, как машины, заворачивали все подряд. Получались пухлые, почти как снежные, шары, которые они складировали в картонки. Причем, как мне показалось, смуглокожие парубки соревновались в том, кто слепит шар побольше и пообъемистее. Когда я заглянул на кухню, увидел совершенно кафкианскую картину: первый чернокожий брал с полки по одному предмету, а второй с невозможной для человека быстротой закатывал его в ворох упаковочной бумаги. После этой операции оставалось только впихнуть пухлый ком в коробку – можно сказать, индивидуальную для каждого предмета. Так, пылесос оказался у меня запакован в целых шесть (!) картонок. Причем для каждой из щеток был предусмотрен свой ящик.

Эти манипуляции показались мне более чем странными. Я обратился за разъяснениями к дяде Тому, но тот, выслушав меня, принялся белозубо и заливисто хохотать в голливудском стиле Эдди Мэрфи. Затем выпучил на меня глаза с розовыми белками и сказал лишь одну фразу.

– Все должно быть хорошо упаковано.

Меня при всей моей любви к французской лапидарности такой лаконизм вовсе не устраивал. Я выразил недоумение, мотивируя тем, что перевозчики, работая так, грубо забивают объем, я же плачу как раз за место в контейнере. Но дядя Том из тропиков отличался непростым характером.

– Все должно быть хорошо упаковано, – медленно и тщательно повторил он и сжал кулаки, каждый из которых оказался в полтора раза больше моей головы.

Я вспомнил, как мой южноафриканский коллега Дирк Бота рассказывал мне когда-то об обучении на шахтах ЮАР бушменских горняков. Инструкторы-африканеры объясняли им

самым доступным для туземцев способом, что из себя представляет взрывчатка, закладываемая в карьеры открытой добычи минералов:

– Видишь камень? Этот камень взрывается! Бум-бум!.. Зарываешь его в землю – и беги, как от зверя!

Диалог с дядей Томом получался приблизительно на этом уровне. Сплошной «Бум-бум!» И я махнул рукой на распределение места в контейнере, который чернокожие любители упаковочной бумаги загрузили под завязку. Неудивительно, что никакой обещанной разницы в деньгах мне в NNN так и не вернули. Зато потом я обнаружил для себя в Москве немало сюрпризов. Например, карибские парубки не поленились упаковать в отдельный крафт пакет с мусором, подготовленный в Париже моей женой на выброс. При этом аккуратно обсыпали его со всех сторон пенопластовой крошкой – чтобы он ненароком не разбился! Прихватили они в багаж и половую тряпку. Она, совершенно мокрая, оказалась тщательно завернутой в пленку с пузырьками воздуха. Видимо, островитяне перепутали тряпку с посудой… Кстати, антильская команда поразила меня тем, что из моей посуды ничего не разбила. Зато у потомков рабов-огнепоклонников были собственные счеты к осветительным приборам, с ними обошлись откровенно по-варварски. Лампы и торшеры были возвращены мне в Белокаменной в аховом состоянии: провода из плафонов выдернуты, контакты перекушены под самый корешок…

Прокол получился и с «детаксом». Переданные мной вандалам из NNN бумаги для оформления таможенной скидки оказались никому ровным счетом не нужны. Как признался мне потом под сурдинку московский представитель компании, не то водитель трайлера забыл зарегистрировать квитанции на границе, не то никто в основном офисе не удосужился передать мои бумаги с машиной, отправляющейся в Москву. Чего только не бывает! Любопытнее другое: никто в фирме даже не извинился передо мной и не попытался исправить ошибку. Я уже не говорю о возвращении мне денег Мои письма, написанные позднее руководству компании, так и остались без ответа. Наверное, я плохо их написал, непонятно. Рекламации на каком угодно языке составлять не просто. Так, я увидел однажды письменную претензию, выдвинутую одним москвичом к упорно не работавшей микроволновой печи: «Ну, не греет, блин!»

В этом и состоит расчет халтурщиков: авось, пострадавшие поленятся и не станут упражняться в эпистолярном жанре, выплескивая свои хозяйственные проблемы. Хам – вот истинный властелин мира, при этом диктатор интернациональный. А я, грешный, и не догадывался тогда, что французский экстрим – не путать, пожалуйста, с Гольфстримом! – вскоре органично перетечет в моей жизни в русский.

…Хочу залиться горючим на заправочной станции. Подхожу к кассе, даю деньги, называю номер колонки и октановое число бензина, – все чин чином, а мне в ответ:

– Бензин сливается.

При этих словах у меня перед глазами необычайно четко встают кадры одной из знаменитых лелушевских комедий-гротесков – «От приключения к приключению», – где носатый злодей, халтурящий на заправке, украдкой сливает бензин в спрятанный в кустах бидон, вместо того чтобы заправлять кабриолет героя Жака Бреля. Снисходительно воспринявший чистосердечное признание кассирши, я от щедрот душевных разрешаю:

– Ну, слейте там себе – только немножко… А меня заправьте девяносто вторым на пятьсот рублей.

Чувствую, меня не любят:

– Вы что, не понимаете, мужчина?! Бензин сливается.

– Пусть сливается, пусть! Меня это не волнует, я – не прокурор, – успокаиваю я невидимую мне женщину за непробиваемым стеклом. – Заправьте только меня побыстрее, пожалуйста! Спешу, видите ли…

Моя законная просьба почему-то выводит из себя королеву бензоколонки:

– Заправлять машины, пока сливается бензин, запрещено правилами безопасности! Отойдите, не мешайте!..

Сливай воду гаси свет! Ничего не понимаю… При чем тут правила безопасности и мелкие махинации кассирши, откровенно – в полный голос! – отсасывающей бензин? Какая между ними связь?

Шараду разгадал ражий дядя, стоявший позади меня во время этого абсурдного препирательства:

– Сливочная – не то место, где делают сливки, а где сливают дерьмо, мужик!.. Ты че, не видишь? Вон на задах цистерна стоит. Как весь бензин в резервуар сольет, так и начнут нашего брата заправлять. Ты че, парень, – глухой, контуженый или иностранец?

– Угу, – промычал я и предпочел сделаться совсем маленьким, прежде чем тихо ретироваться. К счастью, чисто языковой конфликт таковым и остался. Я же направился на другую заправку, где меня быстро заправили бензином – как установили на станции техобслуживания, куда я потом обратился для починки мотора, – обильно разбавленным не то мочой, не то еще какой-то гадостью.

В гараже, куда я приехал для прочистки мотора (по непонятной мне причине все гаражи в Москве почему-то гордо называются «автосалонами»), меня успокоили:

– Мотор стучит? Чепуха!.. Настоящий стук всегда себя покажет. Рано или поздно все ненужное в машине все равно отвалится…

А заодно и дали хороший совет. Дело в том, что накануне, когда я решил переночевать у тещи и опрометчиво поставил мой «опелек» у ее дома, неизвестные искатели приключений, разбив стекло, залезли ко мне в машину и увели у меня съемную панель с радиоприемника. Впрочем, я сам виноват: надо было спрятать ее в перчаточный ящик, а я забыл. Теперь нужно было найти точно такую же. Где? В магазине мне сказали, что панели отдельно не продаются – только вместе с приемником.

– Нет проблем! – заверили меня оптимисты из салона-гаража. – Поезжайте на Митинский авторынок! Купите там вашу же собственную панель.

Так я и сделал в ближайшее воскресенье. В одном из покрашенных в дикий цвет сараев, удивительно напоминающем барак погорельцев, мне продали то ли мою собственную панельку, то ли ее сестру-близняшку и ласково пригласили заходить еще. Я в ужасе поблагодарил и с тех пор снимаю и прячу радиопанель, даже когда выхожу из машины на три секунды.

Впрочем, если от салонных воришек упастись в Москве можно, то даже самые хитрые предосторожности не спасают от русских морозов. Когда ртутный столбик зашкалило на термометре на тридцати восьми по Цельсию, мой «опелек», – как выяснилось, сработанный из-за проклятой европейской интеграции в солнечной Испании, – чихнул пару раз, как простуженный пес, и решительно отказался заводиться. Он умер. Остекленел. Превратился в груду холодного металлолома. Трагедия эта была для меня тем болезненней, что ни один куцый жигуленок (заводящийся и ездящий, черт возьми!), от которого черноволосые, прокуренные, коренастые люди – все водители-бомбилы, к которым я обращался за помощью, почему-то оказывались кавказцами, – перекидывали к аккумулятору моего «опеля» «усы», не мог мне помочь. Как жалко, что в такие морозы под Москвой не было никакого врага! Мы бы победили и в этой войне…

– Не выпендривайся, оставь машину под снегом! – успокоил меня склонный к эпикурейству приятель. – Холода спадут, снега растают – и мы узнаем, кто где срал… Заведется твоя машина! Против природы не попрешь!

Так я и поступил. И совершенно напрасно. Морозы сжалились над «москвичами», но мой «опель» воскресать Лазарем все равно не хотел. Мне не оставалось ничего иного, как вызывать «Ангела». К счастью, заказ, по московским меркам, приняли быстро – мне назначили заветную встречу на послезавтра. Отпросившись с работы, я побежал к машине и издалека

узнал желтый тягач «Ангела». Он перегородил всю Петровку и устроил на узкой улице жуткую пробку. Всего в двух шагах от Управления внутренних дел! Кошмар какой! Надо было срочно разруливать ситуацию.

У водителя «Ангела», как и следовало ожидать, крыльев не было. Да и схоластический спор о поле ангелов и серафимов был тут совершенно неуместен. Мой моторизованный спаситель предстал предо мной в виде румяного парня с лицом без единой приметы, не считая глаз-пупков. Он смолил пахнущую опилками сигарету и в ус не дул, несмотря на клаксоны рассвирепевших водителей, возмущавшихся пробкой.

– Вот моя машина, – указал я на «опелек». – Давайте грузить!

– Не могу, – лениво проронил ангел. – Надо движение перекрыть, чтобы я мог к вашей машине подлезть. – И указал на стоявшего на перекрестке бульвара и Петровки толстого, как тюлень, гаишника. – С ним сперва договоритесь.

– В каком плане «договоритесь»? – я и в самом деле не понял.

– Будет он за просто так из своей будки выходить?! – пришел черед удивляться ангелу. – У них на все тариф есть…

Гаишник и в самом деле меня замечать почему-то не хотел. Очнулся он только после того, как я помахал перед его глазами журналистской «корочкой» – красной, кожаной, по-номенклатурному значительной.

– Ну, ладно, – смилостивился на мою мольбу блюститель порядка и, как всемогущий джинн из «Тысячи и одной ночи», махнул палочкой и мигом застопорил трафик.

– Сколько взял-то? – по-сообщнически потом допытывался у меня шепотом ангел. – Неужто меньше сотни обошлось?

Но я не кололся, только важно и многозначительно дул щеки. Вскоре, однако, от моей важности не осталось и следа.

– А теперь можно грузить, – сказал ангел, подогнав под необходимым углом тягач к моему «опельку». – Начинайте!

Я на всякий случай оглянулся, не сообразив, к кому обращается грузчик. Но никого, кроме моей персоны, у машины не было.

– Чего волынку тянуть?! Видите, какая пробка выросла! Начинайте, грузите! – повторил команду далеко не шестикрылый серафим.

Сомнений не оставалось: он обращался ко мне.

– Как так «грузите!»? Куда?!.. А вы для чего? – возопил я. – Кто кого вызывал: я – вас или вы – меня?!..

– Ясное дело: вы – меня, – не выдержал очной ставки ангел. – Но я не успел вам сказать: я на этой машине первый день работаю. Мне, конечно, объясняли, как она фурычит, но я могу чего-нибудь напутать, и тогда вам хуже будет. «Опель»-то ведь ваш, а не мой, верно? Машина – аппарат хрупкий, бес ее знает!

Против правды не попрешь. Такому балбесу раскурочить мою машину, – что раз охнуть. И я принялся за дело. Вывернул колеса, подогнал трос… Испачкавшись по колено в снежной грязи, я с ужасом осознал, что – как назло – щеголял в этот день в черной костюмной тройке, которую надеваю только по особо торжественным случаям: как раз сегодня журналистская организация «Медиасоюз» должна была вручать свои ежегодные премии, а я был в числе номинантов. Однако сожалеть о чем-либо было уже поздно. Возила врубил мотор бобины-тягача, и моя машина нехотя вползла на помост. Я закрепил ремнями колеса и с наслаждением юркнул в теплую кабину:

– С Богом! Поехали! Шмитовский проезд, – назвал я адрес фирменного гаража «Опель».

– А это где? – продолжал испытывать мое терпение безрукий ангел.

– Как же вы работаете водителем в Москве, если города не знаете?! – взвыл я.

– Знаю, – обиделся шофер тягача. – Я микрорайон Отрадного хорошо знаю. – И сознался после паузы: – А больше ничего не знаю.

– Послушайте, дорогой друг! Вы откуда сами-то будете?

– Мордва мы. Из города Саранска… Я в Москве всего восемь месяцев работаю.

– Так… Одно другого не легче! А кем вы, позвольте поинтересоваться, работали все это время, если за штурвал этого чертова спасателя только вчера сели?

– Я всегда на мусоровозке катался, – ласково произнес падший ангел, и его пустое лицо неожиданно озарила нежная, младенческая улыбка. – В Отрадном такие помойки хорошие. Особенно – та, которая…

– Стоп! – ощетинился я. – Больше ни слова о помойках! Я опаздываю. Поедем на Шмитовский самым коротким путем. Слышите?!.. Прямо и сразу налево!

– Понял, понял, – забормотал бывший ангел, на самом деле оказавшийся врожденным золотарем, и повернул в нужном направлении. И тут же врубил по тормозам. – А вы уверены, что «опель» хорошо закрепили на платформе? А то мы вашу машину по пути потеряем!..

– Не потеряем! Закрепил все, как надо! – Я стиснул зубы. – Гони! Гони быстрее, голубчик!.. Иначе я за себя не отвечаю.

В кабине тягача обогрев работал на славу. Учитывая крепчавший мороз, это не могло не радовать. Правда, чем-то подванивало. Я покрутил головой и обнаружил точно позади себя огромный пластиковый пакет, от которого пахло, как от мокрой кошки на батарее.

– А это что такое? – обомлел я, подозревая самое страшное – как в американском фильме о маньяке с улицы Вязов.

– Да так… Разное… – уклончиво ответил не желающий расставаться с Чистилищем человек из Саранска. – Так вот, я и говорю: у нас в Отрадном такие помойки хорошие…

Воблер и «Хе из мясо»

«Не важно, какой зубной пастой ты пользуешься, важно, в каком доме живешь».
Из перетяжки, рекламирующей домостроительную компанию

Первое, что поражает российского неофита в Москве, это перетяжки. Под моим окном в Москве каждый день над проспектом вывешивают на бельевых веревках новую перетяжку. (Единого термина для определения этих странных предметов еще не выработано: одни называют их «растяжками», другие – «перетяжками»). Это не ленты материи, а гнойные бинты Истории. И в отличие от российских летописцев, передирающих друг у друга, эти ленты не врут. Весь смысл новорусской жизни сконцентрирован в них, чувствительных лакмусовых бумажках постсоветского бытия. Читаю их и не нарадуюсь. Решил поделиться очередным позитивом с давним товарищем, проезжающим каждое утро мимо моего дома по пути на работу. Говорю:

– У меня под окном повесили конгениальную перетяжку: «Купи квартиру и получи бейсболку в подарок!» Пальчики оближешь! Создателям наверняка обеспечена первая премия на мировом конкурсе рекламного идиотизма…

А приятель в ответ:

– Я на эту чепуху никогда и внимания не обращаю. Я и телевизор перестал включать из-за того, что там каждые двенадцать минут реклама идет. Ни одного фильма до конца посмотреть нормально нельзя… Мы здесь со всяким насилием пообвыклись. Времени нет на ерунду глаза пялить.

Но разве не в этой ерунде заключается эманация русской правды. По всей Москве развесили плакат. На нем изображена огромная и черная, как катафалк, машина «хаммер», под которой надпись на асфальте: «Прочь с дороги!..» Или, например, перетяжка на Рублевке, вывешенная накануне масленичного великого поста: «Постимся устрицами!» И тут же – адрес прикинутого ресторана… А чего стоит реклама пылесоса в сети магазинов «Эльдорадо»: «Сосу за копейки»! Это же крик души. «Сосу за копейки» – доподлинная картина наших нравов.

С этой картиной сравнимо только объявление на автобусной остановке в Москве: «Комната с хозяйкой, 70 долларов. Все необходимое имеется». Хочется понять: необходимое для чего? Какой там Достоевский! Федору Михайловичу ничего более захватывающего даже после проигрышей в казино Баден-Бадена не снилось…

В обувном салоне на московском проспекте Вернадского висит многократно растиражированный плакат: «Будь россиянином – покупай итальянское!» Самое смешное: к патриотизму по-апеннински призывает Джоконда на фоне Храма Василия Блаженного.

Выезжаю с Вернадского на соседнюю улицу и вижу кричащий билборд – чуть было не написал «биоборд». Первым делом в глаза бросаются слова – «Лошадиные силы. Мужская слабость», – а потом мощный автомобиль на втором плане. Грешный, сознаюсь, я поначалу решил, что кто-то из отечественных любителей сексуальной экзотики пропагандирует весьма недвусмысленную страсть к парнокопытным, потом понял, что это не что другое, как завинченная реклама мощной машины…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.